

ДОВЕРИЕ.

Методом включенного наблюдения иногда журналисты добывают строки в газету. Работают за торговыми прилавками, чтобы написать о торговом работнике, прыгают с парашютом, чтобы написать о парашютистах. Я предпочла бы поработать медсестрой в операционной, чтобы написать о работе хирурга, но жизнь распорядилась по-своему и отправила меня в пациенты.

Трудно, боязно было обратиться к хирургу, хотя уже месяц было плохо так, что мерк свет в очах. Не могла есть. Не могла от боли ни о чём думать. Месяц сидела в кровати, счастьем было поспать. Показалось, что полегчало. Вышла на улицу. Знакомые ахнули: «Как ты похудела». Радовалась. Вышла на работу. На работе принесли торт - смотреть не могу. Тошнит. Что торт - чай пить не могу. Подруга предложила отвезти в больницу. Терпеть не могу больницы. Поехала: жить-то хочется. Расспрашивают о чём-то, еле отвечаю. Эльвира Ивановна Батрак задала несколько существенных профессиональных вопросов, спросила что-то о семье, одноклассниках, родителях, которых помнила, отправила на рентген. Мягко так спрашивает: «Будем оперироваться?» «А надо?». «Надо». Глаза у неё такие проникновенные, внимательные, во взгляде доброта, решительность, понимание. Я вспомнила её портрет на музейной выставке художественных фоторабот Ю.Н. Терентьева. Она оказалась такой же, как на фотографии, которая, как магнит, притягивала внимание посетителей. Тогда в музее я долго стояла перед портретом (я её совершенно не знала) старалась понять, что в ней есть такого, чего нет в других. Не поняла, хотя энергетику, переданную фотохудожником, уловила.

А в больнице ей сразу поверила. Увидела, что она решительно настроена во что бы то ни стало вместе со мной бороться за мою жизнь. А дальше - наркоз, и ничего не помню.

«Вот этот портрет? - смеясь, она спрашивает меня и показывает на стену. - А я ведь его ukrала. Дело в том, что моя коллега, Елена Евгеньевна Кретинина, портрет из музея выкупила и повесила его в отделении хирургии. Я возмутилась, а она мне парировала, что видела: портреты ведущих врачей висят в отделениях. Чтобы не вести долгие споры, я его из больницы потихоньку выкрала. Куда исчез портрет – рано утром был шум, - я так и не призналась, никто и не узнал, кроме подруги, конечно. Елена Евгеньевна добрая была, таких у меня уже более нет, к сожалению. А с Юрием Николаевичем Терентьевым мы

очень были дружны, он всегда у нас много фотографировал и часто дарил нам свои фотоработы.

Мы разговариваем о том, что есть такая наука: деонтология. Она об отношениях между врачом и пациентом, между врачами, между врачом и сестрой. Когда она работала заведующей отделением хирургии, то заставляла своих медсестёр и интернов возвращаться к деонтологии как к науке. Но сейчас такое время... Не все болеют за пациента. Когда она сюда, в Сланцы, в 1963 году приехала, в хирургии сменяли друг друга она и Николай Васильевич Глухих. Они сами были очень дружны. «А сейчас нет таких высоких отношений, я не знаю - почему. Люди не так воспитаны, что ли. Всех интересуют только деньги. Молодой врач, ещё мало умеет, а настроенность в первую очередь на большие заработки. А ведь их заслужить надобно».

Проснулась в реанимации, словно выбилась из страшного плена. Скована, привязана трубкой в носу, капельницей в вене. Тело деревянное. Сразу увидела её внимательный взгляд. Пошевелила пальцами - получается. Жива. А что дальше?

Открыла глаза - стоит муж и держит на плечах внука: «Муся, вставай», - плачет. «С ума сошёл, куда привёл внука, уходи», - кажется, что кричу, на самом деле - шепчу.

Стоны и музыка - это реанимация.... Рядом стонет мужчина, у него ампутировали ногу. Здесь же кричит женщина с ожогами. Боже мой, разве можно себя жалеть. Многим гораздо хуже.

Эльвира росла в семье военного врача, и они семьей переезжали из города в город. Она рассказывает о том, на кого всю жизнь равнялась в своей работе - на своего отца. Фронтовика. Военного врача. Он попал в плен и прошёл страшные концлагеря - его освободили из Бухенвальда. О нём говорили: «Если Иван Ананьич вошёл в палату, то всем становится легче». И свекровь у неё была детским врачом. Сейчас она не видит такого чуткого отношения к больному человеку, какие видела в работе этих людей. Отец был её богом. Начал санитаром, потом фельдшером, потом уже врачом. Когда он был на фронте, он ей писал, что очень бы хотел, чтобы она стала врачом, но в медицине он признавал только хирургию и стоматологию. Семья из Ленинграда попала в город Ишим Тюменской области. И отец приехал туда после войны и плена. Семья жила потом в Новокузнецке, он работал, и Эльвира, если его вызывали

на дом к больному, «тащилась» везде за ним. Умер папа очень рано - в 50 лет, это было последствие концлагерного содержания. Он был знаком с героем страны Маресьевым, вместе лечились в Москве.

«Из меня такого человека не получилось, как мой отец», - с грустью говорит она.

Закончив в 1955 году медицинский институт в городе Омске (очень хороший институт с сильным преподавательским составом), она семь лет работала в Новокузнецке (бывшем Сталинске) Кемеровской области врачом, где было много промышленных предприятий. На одном только металлургическом комбинате работало 50 тысяч человек. Во время её работы в Новокузнецке произошёл взрыв большой доменной печи, пострадали тысячи людей. В оказании помощи этим людям пришлось принимать активное участие.

Считает, что в больнице Новокузнецка ей очень повезло с коллегами и руководителем, доктором Василием Васильевичем Завьяловым, главным хирургом Кемеровской области. По сути он являлся научным руководителем отделения. Прежде чем приступить к операции на сердце, они с медсёстрами и врачами устраивали репетицию этой операции, чтобы сберечь для пациента каждую минуту. Учились практической медицине на собаках, а не на людях, в больнице была соответствующая лаборатория. Все отработывали. Поучиться было у кого. Молодая женщина всё старалась усвоить. «Люди в белых масках» - так назывался первый газетный материал в местной прессе о группе врачей, в которой работала Эльвира Ивановна Батрак. В Интернете нашла статью, где написано, что достоянием медицинской истории больницы №2 в Новокузнецке являются имена таких хирургов как Б.И. Осипов, В.А. Циркина, Е.И. Савина, Э.И. Батрак, А.Я. Тютикова. Благодаря их усилиям отделение не просто работало на очень высоком уровне, но и проводило уникальные операции на сердце, на органах брюшной полости, на лёгких и органах опорно-двигательного аппарата. Энтузиазм, работоспособность, взаимопонимание врачей и сестёр помогали выполнять огромный объём работы. Муниципальное бюджетное лечебно-профилактическое учреждение «Городская клиническая больница № 2 Святого великомученика Георгия Победоносца» награждено медалью третьей степени «За особый вклад в развитие Кузбасса».

Вот так-то, сколько лет прошло, а её заслуги вошли, можно смело сказать, в историю страны. Там, в Кузбассе, она стала высококвалифицированным врачом. И к нам в город приехала

специалистом высокого класса, навсегда усвоив законы врачебной дружбы и высоких отношений.

Уехали оттуда в поисках работы для мужа, с которым познакомилась ещё в студенчестве, по профессии - инженера. И хотели попасть в город с лучшей экологической обстановкой. Новокузнецкие предприятия страшно загрязняли город. Дочь и сын родились там же.

Сначала уехали в город Гусь-Хрустальный, где был построен новый, типовой для тех времён, больничный комплекс. Там работала год.

Приехав с семьей в Сланцы, она была поражена отсутствием условий для врачебной деятельности. Печным отоплением в больнице и даже в хирургическом отделении. Крошечным помещением для пациентов. Она уже рассказывала об этом в нашей газете не раз. Хотела убежать. Удержал её здесь только муж. Пришлось преодолевать бытовые трудности пока в апреле 1964года не сдали в эксплуатацию новую больницу. Главным врачом, волевым организатором лечебного процесса, тогда был Григорий Иванович Глубкин, которого она вспоминает с большим уважением.

С 1980 года в течение тридцати лет она заведовала отделением хирургии в Сланцевской больнице. Приходилось много работать и даже участвовать в спасении людей при аварии на шахте № 3, когда с высоты упала клеть с рабочими. Отделение было на хорошем счету в области. А всего медицинского стажа у неё - 57 лет. И, конечно, о ней писали. Её фотографировали. У неё много благодарных пациентов из нашего города, Кингисеппа, с Украины, из Грузии.

Очнулась я на следующие сутки в палате. Перед глазами на потолке - радужные круги. Пришла она. Спрашивает, как я себя чувствую. Никак. Ничего не соображаю, вся на обезболивающих. «Что у меня?». «Опухоль кишечника». «Ужас. И это со мной?». Я знаю: она не врёт. Панически проваливаюсь в темноту. А дальше... опять беда. Предстоит вторая операция. Слышу резкие, чёткие команды Э.И. Батрак медперсоналу.

Приходит взрослый сын. Прошу его: отпустите меня, не могу жить, очень страшно и очень больно. Он плачет: «Нет, мама, нет». О результатах гистологии даже и знать не хочу. Уходить из жизни уже не намерена - как они без меня? Такие беспомощные.

Она рассказывает об истории здравоохранения района и области. Она много общалась и среди её окружения были очень хорошие люди. Она достаёт книгу «Здравоохранение Ленинградской области» (истоки, развитие, современность) 2010 года издания. В ней есть глава о Сланцевском районе, представляющая интерес в краеведческом отношении. В книге запечатлены золотые имена сланцевской медицины: И.А. Лесюна, Д.В. Попова, М.Ф. Фоменко, Л.М. Филипповой, В.П. Туниковой, Ю.И. Кузьмина, В.П. Фиясь, А.И. Корчагина, Ф.А. Чуркина, В.С. Паиной, супругов Бонфельд и многих других.

«Когда я пришла работать, заведующей была Лариса Григорьевна Алексеева, дочь Г.И. Глубкина. Главное, чему я у неё научилась - работать с персоналом. Самое главное здесь - дисциплина. И в этом я держалась за неё, без неё я бы и заведующей никогда не стала. Лариса Григорьевна много училась и многому учила нас. Она работала заведующей хирургическим отделением до 1980 года. С 1980 года я возглавила хирургию в Сланцах.

Я как черепаха Тортилла - всё знаю про больницу. Лев Матвеевич Цивьян заведовал урологическим отделением, отделение было межрайонное. Нынче к нам приехал из Эстонии молодой уролог, который подаёт надежды, Анатолий Анатольевич Паунок. В хирургическом отделении работали интерны. Я всё время руководила интернатурой. А потом интерны уезжали. Замечательный хирург Абдурахман Амиров, которого я готовила на смену, работает в Махачкале. Очень многие из них работают сейчас во всех уголках страны. Стали настоящими специалистами»

С удовольствием она вспоминает, как согласованно, легко было работать с главным врачом больницы М.М. Латышевы. Он, полагаясь на её знания, своевременно оказывал помощь, какую она просила. Очень приятно ей было работать с хирургом Юрием Ивановичем Кузьминым, которого, к сожалению, уже нет среди нас. Сетует на то, что сейчас онколога нет в больнице. Она пережила девять главных хирургов области. И никогда не стеснялась советоваться, если не знала, какое принять решение - звонила специалистам в областную больницу. Её так воспитали, что не надо на себя многое брать, а надо не гнушаться советами, имея даже за плечами большой практический опыт. Она принимала решения отправить пациента на лечение в Санкт-Петербург, если того требовала ситуация. Ведь у хирурга огромная ответственность за жизнь человека. Она и сейчас работает на приёме в

больнице и заведующей операционным отделением. Она имеет своё мнение. Она может высказаться очень резко по поводу неправильного хирургического решения. «Самое главное в хирургии - спасти жизнь больного, а потом принимать остальные решения. Вот как вам: сначала спасли жизнь, иначе бы вы погибли, а потом можно было провести радикальную операцию», - говорит Эльвира Ивановна. В настоящее время заведующей отделением хирургии работает Н.Н. Васильева, они 25 лет с ней работали рядом, плечом к плечу.

Приходят навещать люди. Приносят клюквенный морсик, землянику. Поднимают дух. Женщины из церкви рассказывают мне, что, слава богу, лицо не обезображено, а что там под кофтой - будет не видно. Идут коллеги и бывшие коллеги. Приносят угощения и книги. Рассказывают смешные истории. Приезжает сестра. Дух после их ухода поднимается, но потом снова падает в глубокую-преглубокую яму...

Эльвира Ивановна приходит в палату, и сама обтирает меня влажным полотенцем. Это первые приятные ощущения после операций. Сама перевязывает. Мне нравится, как она это делает. Бережно и предупреждает, когда будет больно. Разглядываю потолок. Боюсь, что из дыры на потолке перевязочной на меня упадет кусок штукатурки. И когда она говорит, что её не будет два дня, так как приезжает внук, я умоляюще прошу её остаться: я боюсь перевязываться не у неё. Она грустно говорит, что очень любит внука и он приезжает так редко. Веду себя эгоистично. У меня паника. Страх перед перевязкой. На следующий день за мной на перевязку приходит... Она! Осталась. И к внуку не поехала. Как я ей благодарна! Какая же она всё-таки хорошая, я сама уже мама и бабушка, но сейчас мне нужна мама, такая как она. Вспоминаем что-то общее из жизни нашего городка. Я когда-то в юности у её мужа работала на шахте в ремонтно-механическом цехе. Начинающим журналистам было положено пройти рабочую школу, чтобы хорошо знать, о чём писать. А она воспитала в своей семье Наташу Повальскую, девочку из моей школы, когда у той погибли родители. Узнаю, что дочь живет в Израиле и там у неё шестеро внуков.

Звание «Заслуженного врача Российской Федерации» ей присвоили ещё в 1997 году. Её имя много раз заносили в городскую Книгу Почёта и на городскую Доску Почёта. Она награждена ведомственным знаком «Отличник здравоохранения», медалью «Ветеран труда. В сухих строчках характеристики есть живые строки о её глубокой внутренней

культуре и исконно русской интеллигентности. В прошлом году врачу-хирургу Эльвире Ивановне Батрак присвоено звание Почётного гражданина Сланцевского района.

«Вот почему я не хочу уходить с работы? Потому что люблю эту работу. И этих людей, которых я оперировала, спасала, и они мне говорят слова благодарности. Они меня помнят. А я помню каждого из них. То, что я помогаю людям, дает мне силу жить», - говорит Эльвира Ивановна. Дочь Елена уже двадцать лет живёт в Израиле. В Санкт-Петербурге она окончила первый медицинский, психиатр. Работает не по специальности. Воспитала детей одна, без мужа. Одна внучка, Наташа, - физик. Другая - военный лётчик, скоро заканчивает обучение и будет летать. Рита учится в США. Маша - в армии. Два мальчика, Миша и Вениамин, ещё учатся в школе. У сына тоже двое детей, они здесь, в России, оба с высшим образованием. Наташа Повальская, которая лишилась родителей шестом классе, написала письмо с благодарностью: «Я только теперь поняла, что вы для меня сделали». Эльвира Ивановна очень ценит стихи, которые ей писали знакомые, дети. В 1987 году инженер В.И. Вытнов написал стихи «Эльвире Ивановне-хирургу-батраку». Там есть такие строки: «Хирургиня, дай ей, боже, счастья. Не щадит себя во имя нас».

Я сама не встаю с постели уже двадцать дней, кружится голова. Меня перевозят на каталке. Она приносит мне специальное дополнительное питание. Слышу, как уговаривает соседку по койке, старушку, жить. Выясняет, что та не хочет жить потому, что муж умер. «У меня муж двадцать лет назад умер, а я живу и всем того же желаю». Старушка к вечеру сама встаёт. Через несколько дней встаю и я. Пробираюсь по стенке в туалет самостоятельно, сзади слышу радостный шёпот: «Встала». Останавливаюсь и кое-как оборачиваюсь. Медперсонал, человек пять в коридоре, радостно смотрят на меня. Я тоже улыбаюсь, ощущаю, что я – это и их победа над смертью. Мое состояние - результат их работы. Мне уже весело. Я чувствую, сколько людей рядом со мной в моём намерении жить. Я не одна, мне не одиноко.

В этом году Э.И. Батрак сама побывала в пациентах с подозрением на рак. Пережила всё, что переживают обычные пациенты. Но сама себе помогла отменить этот диагноз. У неё юбилей и хочется пожелать ей ещё силы для борьбы с болезнями сланцевчан, здоровья, много добрых и искренних слов от близких людей и многочисленных пациентов, море

**цветов. Всего, что можно пожелать человеку, спасшему тысячи жизней.
И мою, скромную, в том числе. После операции я живу, работаю,
воспитываю внука, радуюсь жизни. Так дай же ей, боже, счастья.
Наталья Томс.**